

169	0144-01	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 1 "Женщина и мужчина"
170	0144-02	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 2 "Твой свет"
171	0144-03	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 3 "Грешная грусть"

"У доброго огня" (Коренблит – Чичибабин)

Часть 1 "Женщина и мужчина"

1. С рождественской звезды – 2.11
2. Деревья бедные – 1.17
3. 9 января – 2.57
4. Женщина и мужчина – 1.12
5. Постель – 1.29
6. Женские колени – 4.04
7. Вечером с полочки – 1.16
8. Оттепель – 2.13
9. Март – 2.32
10. Пойду пожалуйюсь – 1.22
11. Весенний дом – 1.36
12. Уведи меня – 2.43
13. Апрель – 1.33
14. Дождик – 2.52
15. Яблоня – 1.17
16. Отдых – 2.33
17. У доброго огня – 2.18
18. Навстречу счастью – 1.46
19. Женщина у моря – 2.04
20. Иудейская крепость – 3.54
21. Ласточкино гнездо – 2.54
22. Коктебельская ода – 5.05

Общее время звучания – 51.08

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 "Женщина и мужчина"

1. С РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЗВЕЗДЫ

Я на землю упал с неведомой звезды,
с приснившейся звезды на каменную землю,
где, сколько б я не жил, отроду не приемлю
ни тяжести мирской, ни дружбы, ни вражды.

Как с буднями, звезда, нездешним сердцем сжитьяся,
коль тополи в снегу мне в тыщу раз важней
всех выездов и смут, певичек и вождей,
а Моцарт и Паскаль отзывней сослуживца?

Что делать мне, звезда, проснувшись поутру?
Я с ближними в их рай не мечу наудачу,
с их сласти не смеюсь, с их горечи не плачу
и с ними не игрок в их грустную игру.

Что значу я, звезда, в день моего рожденья,
колодец без воды и дуб без желудей?
Дано ль мне полюбить косматый мир людей,
как с детства я люблю животных и растенья?

И как мне быть, звезда, на каменной земле,
где телу земляка любя своя рубаха,
так просто обойтись без воздуха и Баха
и свету не найтись в бесколокольной мгле?

Как жить мне на земле, ни с чем земным не споря?
Да будут сны мои младенчески чисты
и не предам вовек рождественской звезды,
откуда я упал на землю зла и горя.

2. ДЕРЕВЬЯ БЕДНЫЕ

Деревья бедные, зимою черно-голой
что снится вам на городском асфальте?
Сквозь сон услышите добрые глаголы,
моим ночам свою беду оставьте.

Взмахнув ветвями, сделайте крылаты,
летите в Крым, где хорошо и южно,
где только жаль, что не с моей зарплатой,
а то и нам погреться было б нужно.

Морозы русские, вы злее, чем монголы,
корней не рушьте, сквозь кору не жальте...
Что можетниться вам зимою черно-голой,
деревья бедные, на городском асфальте?

3. 9 ЯНВАРЯ

И снова зажгутся, коль нам повезет,
на сосенке свечи,
и тихо опустится с тихих высот
рождественский вечер.

И рыжая киска приткнется у ног,
и закусь на блюде,
и снова сойдутся на наш огонек
хорошие люди.

Вот тут бы и вспомнить о вере былой,
о радостях старых,
о буйных тихонях, что этой порой
кемарят на нарах.

Но, тишь возмутив, окаянное дно
я в чаше увижу
и в ночь золотую набычусь хмельно
и друга обижу.

И стану в отчаянье, зюзя из зюзь,
стучать по стаканам
с надменной надеждой: авось откуплюсь
стихом покаянным.

Упершись локтем в ненадежность стола,
в обличье убогом,
провою его, забывая слова,
внушенные Богом.

Спокойно, друзья, отходите ко сну,
поверьте заздравью,
что завтра я с чистой страницы начну
свою биографию.

Но дайте мне, дайте мне веры в меня
хоть малую каплю...
Вот так я, хмельной, погоняю коня
и так я лукавлю.

А свечи святые давно сожжены
под серую сенью,
и в сердце волнуемой нет тишины,
и нет мне прощенья.

Не мне, о, не мне говорить вам про честь:
в родимых ламанчах
я самый бессовестный что ни на есть
трепач и обманщик.

Пока я вслепую болтаю и пью,
игруч и отыгрисч,
в душе моей спорят за душу мою
Христос и Антихрист.

4. ЖЕНЩИНА И МУЖЧИНА

Не брат с сестрой, не с другом друг,
без волшебства, без чуда,
живем с тобой, как все вокруг, -
ни хорошо, ни худо.

Не брат с сестрой, не с другом друг,
еще смеемся: «Эка
беда!» - меж тем, как наш недуг
совпал с бедою века.

Не брат с сестрой, не с другом друг,
а с женщиной мужчина,
мы сходим в ад за кругом круг,
и в этом вся причина.

Не брат с сестрой, не с другом друг,
и что ни шаг – то в бездну, -
и хоть на плаху, но из рук,
в которых не воскресну.

5. ПОСТЕЛЬ

Постель – костер, но жар ее священной:

на ней любить, на ней околевать,
на ней, чем тела яростней свеченье,
душе темней о Боге горевать.

У лжи ночной кто не бывал в ученье?
Мне все равно – тахта или кровать.
Но нет нигде звезды моей вечерней,
чтоб с ней глаза не стыдно открывать.

Меня постель казенная шерстила.
И есть любовь черней, чем у Шекспира.
А есть бессонниц белых канитель.

На свете счастья – ровно кот заплакал,
и, ох, как часто люди, как на плаху,
кладут себя в постылую постель.

6. ЖЕНСКИЕ КОЛЕНИ

Так-сяк, и трезво, и хмельно,
в кругу друзей сквозь жар и трепет,
на службе, если дело терпит,
в кафе, в троллейбусе, в кино,
пока душа не обреклась
ночному холоду и лени,
смотрю на женские колени,
не отводя упрямых глаз.

Земному воздуху верны,
округлы, розовы, хрустальны,
соблазна плод и парус тайны, -
пред ними нет моей вины.
Как на заморскую зарю –
не веря в то, что это худо, -
на жизни чувственное чудо
с мороза зимнего смотрю.

Сумы дорожные свалив,
как мы смеемся, что мы шепчем,
когда в колени ждущих женщин
роняем головы свои.
Весь шар земной, весь род людской,
шута и гения - вначале
колени матери качали
с надеждой, верой и тоской.

Природа женщины сама –
стыдливость, жертвенность и шалость –
в них упоительно смешалась,
сводя художников с ума.
Спасибо видящим очам!
Я в греховодниках не значусь,
но счастье мне дарила зрячесть,
и я о том не умолчал.

Не представляю слаще лон
и, как на чудо Божье, пялюсь,
как соком плод, как ветром парус,
они наполнены теплом.
Досталось мне и стуж, и гроз,
но все сумел перетолочь их,
когда, голея сквозь чулочек,
лучило нежное зажглось.

Пусть хоть сейчас приходит смерть,
приму любое наказание,
а если выколуют глаза мне,
я стану звездами смотреть.
Они мне рай, они мне Русь,
волчонком добрым льну и лащусь,
уж сорок лет на них тарашусь,
а все никак не насмотрюсь.

7. ВЕЧЕРОМ С ПОЛУЧКИ

Придет черед, и я пойду с сумой.
Настанет срок, и я дойду до ручки.
Но дважды в месяц летом и зимой
мне было счастье вечером с получки.

Я набирал по лавкам что получше,
я брился, как пижон, и, Бог ты мой,
с каким я видом шествовал домой,
неся покупки вечером с получки.

С весной в душе, с весельем на губах
идешь-бредешь, а на пути – кабак.
Зайдешь – и все продуешь до полушки.

Давно темно, выходишь, пьяный в дым,
и по пустому городу один –
под фонарями, вечером, с получки.

8. ОТТЕПЕЛЬ

Весна – одно, а оттепель – иное:
сырая грязь, туманов серый дым,
слабеет лед, как зуб, крошась и ноя,
да жалкий дождь трещит на все лады.

Ее приметы сумрачны и зыбки,
в ее теплыни холод затаен,
и снег – не снег, и тает по ошибке,
да жалкий дождь клубится сатаной.

Все планы – в прах, все вымыслы повыбрось,
не доверяй минутному теплу.
Куда ни глянь – все мокрота да рыхлость,
да жалкий дождь стекает по стеклу.

И мы хмелеем, даром что тверезы,
 разинув рты на слякотную хмарь,
 но молча ждут мордастые морозы,
 да жалкий дождь бубнит, как пономарь.

9. МАРТ

Разнообразны и вкусны
 повествования весны.
 Она как будто и близка,
 а снегу сроду столько не было.
 Иду по марту, как по небу,
 проваливаясь в облака.

Еще морочат нас морозы,
 но даль хрустально-голуба,
 и, как от первой папиросы,
 кружится дура-голова.

В моих глазах – мельканье марли.
 Ну что ж, метелица, бинтуй.
 Мы заблудились в этом марте.
 Не угодить бы нам в беду.

Я сто ночей не отдыхаю.
 Я слаще нежности не знал.
 Во сне теснит мое дыханье
 мокроволосая весна.

В ее святой и светлой замяти,
 в капли поздней и седой
 живу с открытыми глазами,
 как мне повелено судьбой.

Сосулилки залепетали,
 попались, звонкие, впросак,
 и голубыми лебедями
 сугробы плещутся в ручьях.

Я никуда отсель не съеду.
 Душа до старости верна
 хмельному таянью и свету,
 твоей волшебности, весна.

Знать, для того и Север был,
 и одиночество, и ливни,
 чтоб в этот март тебя внесли мне
 пушистой веточкою вербы.

Ну что мне выдумать? Ну чем мне
 шаги веселые вернуть?
 Не исчезай, мое мученье,
 еще хоть капельку побудь.

Мир полон обликом твоим.
Он – налегке. Он с кручи съехал.
Он пахнет солнышком и снегом,
а в сердце буйство затаил.

10. ПОЙДУ ПОЖАЛУЮСЬ

Колокола голубизне
рокочат медленную кару,
пойду по желтому пожару,
на жизнь пожалуюсь весне.

Тебя поносят фарисеи,
а ты и пикнуть не посмей.
Пойду пожалуюсь весне,
озябну зябликом в росе я.

Часы веселья так скупы,
так вечно косное и злое,
как будто все в меня весною
вонзает пышные шипы.

Я, как бессонница, духовен
и беззащитен, как во сне.
Пойду пожалуюсь весне
на то, что холод не уходит.

11. ВЕСЕННИЙ ДОМ

Я помню дом один весною в городе.
Его за то я в памяти храню,
что по его карнизам ходят голуби
и снег лежит у крыши на краю.

Еще мокрынть, еще деревья голы те,
но, вся отдавшись нежному вранью,
горит девчонка в том весеннем холоде,
в мальчишеских ладонях, как в раю.

Взлетают неба синие качели.
А дом стоит, тяжелый от капели,
а льды звенят, а снег никак не стается.

Мне холода вовек не возомнятся,
Моим девчонкам всем по восемнадцать.
Я никогда не доживу до старости.

12. УВЕДИ МЕНЯ

Когда взыграют надо мной
весны трагические трубы,
Мне вслед за ними поутру бы
и только при смерти домой.

Как страшно спать под мертвой кровлей,

а не под ласковой листвой
и жить не мудростью людской,
а счастья суетною ловлей.

Но держат шоры грошовые,
служебно-паспортный режим,
чтоб я остался недвижим
и все мы были неживые.

Вот почему, как в жар дождя,
как ждут амнистии под стражей,
я жду шагов твоих с утра уже,
до крика к вечеру дойдя.

Свое дневное отработав
заради скудного куска,
мы – должники твои, тоска
пустынных лестничных пролетов.

Но уведи меня туда,
где мир могуч, а травы пряны,
где наши ноющие раны
омоет нежная вода.

Там ряска сеется на заводь
сквозь огневое решето,
и мы возьмем с собой лишь то,
что и в раю нельзя оставить.

Из всей древесности каштан
достоин тысячи поклонов,
а из прозаиков – Платонов,
а из поэтов – Мандельштам.

Там дышит хмель и каплет сок,
и, трав телесностью наполнясь,
ты в них вдохнешь свою духовность
и станешь легкой, как цветок.

Там всем свежо и озаренно
и ничему запрета нет
навеянному с детских лет
новеллами Декамерона.

Там все, что лесом прожито,
хранит малюсенький кустарник,
он не слышал стихов бездарных
и разговоров ни про что.

Там пир всемирного братанья,
и только люди – без корней.
Так уведи меня скорей
туда, где все – добро и тайна.

13. АПРЕЛЬ

Апрель – а все весна не сладится.
 День в день – не ветрен, так дождист.
 Когда в природе неурядица,
 попробуй на сердце дождись.

Блеснет – на миг – и тучи по небу,
 и новый день не удался.
 А все ж должно случиться что-нибудь,
 вот-вот начнутся чудеса.

И что душе до вражьих происков,
 что ей, влюбленной, боль и суд,
 когда в лесу сине от проблесков
 и пахнет почками в лесу?..

14. ДОЖДИК

День за днем жара такая все –
 задыхайся и казись.
 Я и ждать уже закалялся.
 Вдруг откуда ни возьмись

с неба сахарными каплями
 брызнул, добрый на почин,
 на неполитые яблони,
 огороды и бахчи.

Разошлась погодка знатная,
 спохмела тряхнув мошной,
 и заладил суток на двое
 теплый, дробный, обложной.

Словно кто его просеивал
 и отрушивал с решет.
 Наблюдать во всей красе его
 было людям хорошо.

Стали дали все позатканы,
 и, от счастья просияв,
 каждый видел: над посадками –
 светлых капель кисея.

Не нарадуюсь на дождик.
 Капай, лейся, бормочи!
 Хочешь – пей его с ладошек,
 хочешь – голову мочи.

Миллион прозрачных радуг,
 хмурый праздник озарив,
 расцветает между грядок
 и пускает пузыри.

Нивы, пастбища, леса ли
стали рады, что мокры,
в теплых лужах заплясали
скоморохи-комары.

Лепестки раскрыло сердце,
вышло солнце на лужок –
и поет, как в дальнем детстве,
милой родины рожок.

15. ЯБЛОНЯ

Чем ты пахнешь, яблоня –
золотые волосы?
Дождевыми каплями,
тишиною по лесу,

снегом нарастающим,
чем-то милым сызмала,
дорогим, нечаянным,
так что сердце стиснуло,

небесами осени,
тополями в рубище,
теплыми колосьями
на ладони любящей.

16. ОТДЫХ

И опять – тишина, тишина, тишина.
Я лежу, изнемогший, счастливый и кроткий.
Солнце лоб мой печет, моя грудь сожжена,
и почиет пчела на моем подбородке.

Я блаженствую молча. Никто не придет.
Я хмелею от запахов нежных, не зная,
то трава, или хвои целительный мед,
или в небо роса испарилась лесная.

Все, что вижу вокруг, беспредельно любя,
как я рад, как печально и горестно рад я,
что могу хоть на миг отдохнуть от себя,
полежать на траве с нераскрытой тетрадью.

Это самое лучшее, что мне дано:
так лежать без движений, без жажды, без цели,
чтобы мысли бродили, как бродит вино,
в моем теплом, усталом, задумчивом теле.

И не страшно душе – хорошо и легко
слиться с листьями леса, с растительным соком,
с золотыми цветами в тени облаков,
с муравьиной землею и с небом высоким.

17. У ДОБРОГО ОГНЯ

Неужто все и впрямь темно и тошно,
и ты вовек с весельем не знаком?
А вот костер – и варится картошка,
И пар плывет над жарким казанком.

Запасы счастья засветло пополни,
а злость и зависть сядут под арест.
О, что за снесь ликует на попоне:
редиска с грядки, первый огурец!

И мед земли поет в твоих ладонях,
сверкает, медлит, шелков и парчов,
и, курс держа на свой дощатый домик,
спешит семья стремительных скворцов.

Каким пером ту прелесть опишу я,
где взять слова, каких на свете нет,
Когда над всем, блистая и бушуя,
царит и дышит яблоневоый цвет,

И добрый ветер, выпрыгнув из чащи,
ласкает ветки, листьями звеня,
и добрый друг, так родственно молчащий,
сидит с тобой у доброго огня.

18. ВСЁ БЫЛО НАЯВУ

Я груз небытия вкусил своим горбом:
смертельна соль воды, смертельна горечь хлеба,
но к жизни возвращен обыденным добром –
деревьями земли и облаками неба.

Я стер с молчащих губ отчаянья печать,
под нежной синевоой забыл свои мученья.
Когда не слышно слов, всему дано звучать,
все связано со всем и все полно значенья.

И маску простоты с реальности сорвав,
Росой тяжелых зорь умыв лицо и руки,
Как у священных книг, у желтоглазых трав
Играючи учусь безграмотной науке.

Из кроткой доброты и мудрого стыда
кую свою броню, трудом зову забавы
и тихо говорю: «Оставьте навсегда
отчаянье и страх, входящие сюда вы».

На благодарный пир полмира позову,
навстречу счастью засвечу ресницы, -
и ничего мне больше не приснится:
и ад, и рай – все было наяву.

19. ЖЕНЩИНА У МОРЯ

Над вечным морем свет сменила мгла.
Плывут валы, как птицы в белых перьях.
Всей красоты теперь не разглядеть их,
лишь пыль от них на камушки легла.

И женщина, пришедшая на берег,
в напевах волн стоит голым-гола,
как хрупкий храм. И соль на бедрах белых,
и славят ночь ее колокола.

Две наготы. Два неба. Два набата.
Грозна душа седого шалуна,
и, вся его дыханием объята,

как синева, хмельна и солона,
стоит у моря женщина ночная,
сама себя не видя и не зная.

20. ИУДЕЙСКАЯ КРЕПОСТЬ

Твои черты вечерних птиц безгневней
зовут во мгле.
Дарю тебе на память город древний –
Чуфут-Кале.

Как сладко нам неслыханное имя
назвать впервой.
Пусть шумит над бедами земными
небес травой.

Недаром ты протягивала ветки
свои к горам,
Где смутным сном чернелся город ветхий,
как странный храм.

Не зря вослед звенели птичьи стаи,
как хор светил,
И Пушкин сам наш путь в Бахчисарае
благословил.

Мы в горы шли, сияньем души вымыв,
нам было жаль,
Что караваны беглых караимов
сокрыла даль.

Чуфут пустой, как храм над пепелищем,
Чуфут ничей,
и, может быть, мы в нем себе отыщем
приют ночей.

Тоска и память древнего народа
к нему плывут,
И с ними мы сквозь южные ворота

вошли в Чуфут.

Покой и тайна в каменных молельнях,
в дворах пустых.
звенит кукушка, пахнет можжевельник,
быть хочет стих.

В пустыне гор, где с крепостного вала
обзор широк,
кукушка нам беду накуковала
на долгий срок.

Мне – камни бить, тебе – нагой метаться
на тех холмах,
где судит судьбы чернь магометанства
в ночных чалмах,

где нам не даст и вспомнить про свободу
любой режим,
затем что мы к затравленному роду
принадлежим.

Давно пора не задавать вопросов,
бежать людей.
Кто в наши дни мечтатель и философ,
тот иудей.

И ни бедой, ни грустью не поборот
в житейской мгле,
дарю тебе на память чудный город –
Чуфут-Кале.

21. ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Месяц прошел и год, десять пройдет и сто, -
дышит – поет внизу море в барашках белых.
Ласточкино Гнездо, Ласточкино Гнездо –
нежного неба зов, южного моря берег.

Прожитых дней печаль стихла и улеглась.
Чайки сулят покой. Звездно звенят цикады.
Близким теплом души, блеском любимых глаз
в Ласточкином Гнезде так неземно тиха ты.

Наши сердца кружит солнца и моря хмель,
память забыла все горести и ненастья.
Почка лозы святой – пушкинская свирель –
путников вновь свела в замке добра и счастья.

Сладостно-солона вечная синева,
юность ушла в туман на корабле прошедшем.
«Ласточкино Гнездо» - ласковые слова,
те, что не раз, не два мы в тишине прошепчем.

Как за волной волна, тайне душа верна.
 Спят за горой гора в свете от кипарисов.
 Давние времена, славные имена,
 как ветровой привет и как заветный вызов.

Стань для меня с тобой памятью и звездой,
 где, как веков настоль, море шумит в пещерах,
 Ласточкино Гнездо, Ласточкино Гнездо –
 нежного неба зов, южного моря берег.

22. КОКТЕБЕЛЬСКАЯ ОДА

Никогда я Богу не молился
 так легко, так полно, как теперь...
 Добрый день, Аленушка – Алиса,
 прилетай за чудом в Коктебель.

Видишь? – я, от радости заплакав,
 запрокинул голову – и вот
 Киммерия, алая от маков,
 в бесконечность синюю плывет.

Вся плывет в непобедимом свете,
 в негасимом полдне, - и на ней,
 как не знают ангелы и дети,
 я не помню горестей и дней.

Дал Господь согнать с души отечность,
 в час любви подняться над судьбой
 и не спутать ласковую Вечность
 со свирепой вольностью степной...

Как мелась волошинская грива!
 Как он мной по-новому любим
 меж холмов заветного залива,
 что недаром назван Голубым.

Все мы здесь – кто мучились, кто пели
 за глоток воды и хлеба шмат.
 Боже мой, как тихо в Коктебеле, -
 только волны нежные шумят.

Всем дитя и никому не прадед,
 с малой травкой весело слиян,
 здесь по-детски властвует и правит
 царь блаженных Максимилиан.

Образ Божий, творческий и добрый,
 в серой блузе, с рыжей бородой,
 каждый день он с посохом и торбой
 карадагской шествует грядой...

Ах, как дышит море в час вечерний,
 и душа лишь вечным дорожит, -

государству, времени и черни
ничего в ней не принадлежит.

И не славен я, и не усерден,
не упорствую, и не мечусь,
и что я воистину бессмертен,
знаю всеми органами чувств.

Это точно, это несомненно,
это просто выношено в срок,
как выносит водоросли пена
на шипучий в терниях песок.

До святого головокруженья
нас порой доводят эти сны, -
Боже мой Любви и Воскрешенья,
Боже Света, Боже Тишины!

Как Тебя люблю я в Коктебеле,
как легко дышать моей любви, -
Боже мой, таимый с колыбели,
на земле покинутый людьми!

Но земля кончается у моря,
и на ней, ликуя и любя,
глуби вод и выси неба вторя,
бесконечно верую в Тебя.